

5. ИСТОРИЯ богата случайностями, которые незначайно приоткрывают ее глубокие закономерности. Разве не случайностью было то, что Константин Станиславский — великий режиссер — родился в том самом 1863 году, когда Россия лишилась Михаила Щепкина — своего великого актера? И разве не закономерностью было то, что борец за правду и естественность на сцене — Станиславский — принял эстафету щепкинских реалистических традиций? Что именно он считал себя учеником и продолжателем пути, начатого Щепкиным — «гордостью нашего национального искусства», по определению Станиславского.

И потому теперь, через сто лет после смерти замечательного артиста, хочется говорить о нем не только в прошедшем времени, хочется напомнить еще одну строчку из труда Константина Станиславского «Моя жизнь в искусстве», ставшего настольной книгой многих художников сцены: «Щепкин был создателем основы подлинно драматического искусства».

Время не сохранило нам ни голоса Щепкина (в ту пору даже не мечтали о граммофоне, не говоря уже о магнитных пленках), ни впечатляющих изображений его в ролях (фотография тогда в России делала лишь первые шаги), но мы можем представить себе, каков он был на сцене. Можем потому, что немногими мастерами сцены так восторжались, так подробно и увлеченно рассказывали, писали и вспоминали о них современники.

«Лучший комический актер здесь Щепкин, — писал великий русский критик Виссарион Белинский другу из Москвы, — это не человек, а дьявол — вот лучшая и справедливая похвала его».

А Лев Толстой, видевший Щепкина в роли Городничего в классической комедии великого русского писателя Николая Гоголя «Ревизор», записал о нем в дневнике: «строгий актер».

Всего два слова. Но как много они говорят историку театра, свидетелствуя, что Щепкин, играя взяточника и ханжу Городничего,

23 августа — 100 лет со дня смерти великого русского актера Михаила Щепкина

ГОРДОСТЬ РУССКОГО ИСКУССТВА

одновременно был и строгим реалистом, влезавшим по собственному выражению, в шкуру действующего лица, и строгим и беспощадным сатириком, бесстрашным обличителем современных ему пороков. Ведь когда автор «Ревизора», дрогнув перед яростным напором всех осмеянных им сословий, послал артисту горькое письмо, тот не замедлил с ответом: «Чем больше на вас будут злиться, тем более я буду радоваться, ибо это будет значить, что она (публика — Б. М.) разделяет мое мнение о комедии и вы достигли своей цели».

«Своей цели» достигал артист, играя и в другой классической русской комедии «Горе от ума». Предметом его сатиры здесь становился не уездный градоначальник, как в «Ревизоре», а крупный московский чиновник, барин Фамусов. С меткой и злой наблюдательностью вычерчивал Щепкин образ чиновного вельможи, чванливого с теми, кто рангом ниже, угодливого с теми, в ком чувствует силу.

И каждый современный испол-

нитель этой грибоедовской роли, как правило, начинает работу с изучения опыта гениального артиста.

Щепкин был не только блистательным мастером сцены, но и гражданином. И это природное свойство его таланта принесло ему любовь современников, признание потомков и... ненависть власти имущих.

Да, первый артист императорского Малого театра, находящегося в ведении царского двора, был под наблюдением полиции и жандармерии.

Когда после Великой Октябрьской социалистической революции в руках советского народа оказались архивы охранки, в одной из папок был обнаружен любопытный документ: «Щепкин... актер. Желает переворот и готов на все», — так сообщал московский генерал-губернатор шефу жандармов. Есть известное изречение: скажи нам, кто твой друг, и я скажу, кто ты. Вот самый беглый список друзей артиста (чтобы не повторяться, мы эпитет великий, так сказать, выносим за

скобки) — Александр Пушкин — поэт; Иван Тургенев — писатель; Николай Гоголь — писатель; Тарас Шевченко — поэт-революционер; Александр Герцен — писатель-революционер. И с этими замечательными людьми, с этими лучшими людьми России Щепкина связывали не только долгие беседы об искусстве, не только общность творческих позиций, борьба за реализм. Когда Тургенев за статью о Гоголе был выслан царем Николаем I в далекую глушь, Щепкин отважно приезжает к нему. Когда Герцен эмигрирует в Лондон, ведя яростную политическую борьбу с правительством Николая I, Щепкин — один из всех московских друзей Герцена — не побоялся навестить изгнанника. Когда украинский поэт-революционер Шевченко был возвращен из ссылки и отправлен под надзор полиции в Нижний Новгород, 74-летний Щепкин в разгар театрального сезона бросает все и мчится к человеку, снискавшему личную ненависть царя.

И надо ли удивляться, что в

день кончины Щепкина, актера императорского Малого театра, в издававшейся в Лондоне подпольной газете «Колокол» был напечатан некролог, написанный ее редактором Герценом: «Щепкин и Мочалов (великий русский трагический актер — Б. М.), без сомнения, два лучших артиста из всех, виденных мною... Оба принадлежат к тем намекам на сокровенные силы и возможности русской природы, которые делают незыблемой нашу веру в будущность России».

Так же верил и преклонялся перед Щепкиным Александр Пушкин. Каждому, кто когда-либо видел рукопись знаменитых «Записок» Михаила Щепкина, бросается в глаза, что ее заглавие и первые две строки написаны другим — чужим почерком. Любитель русской литературы узнает сразу, чья это рука. Это написано Пушкиным, который долго уговаривал актера начать свои воспоминания и, наконец, нашел такой способ заставить его рассказать о себе.

Жизнь Щепкина (он родился в

1788 году), выходя из крепостных, познавшего, по собственным словам, российскую действительность «от двора до лакейской», была настоящим подвигом воли, таланта, ума. О жизни, ее трудностях он узнал не из книг. И весь свой богатый и горький опыт он принес на сцену родного театра, который так и называется «Домом Щепкина». Щепкин, по определению Герцена, первым в России «стал не театрален на сцене», он явился основоположником реалистической школы игры, воспитателем целой плеяды блистательных мастеров, которые затем передали свой опыт последующим поколениям.

Соединение вдохновения с упорным трудом, ставшее впоследствии для Станиславского основой его метода, — вот драгоценнейшая особенность щепкинских таланта.

Недаром Константин Станиславский, мечтавший об идеальном актере, писал: «Для передачи больших чувств и страстей нужен большой артист — артист огромного таланта, силы и техники... Он придет от земли, как в свое время пришел М. С. Щепкин, и, подобно ему, пропустит через себя все лучшее, что дала вековая культура и артистическая техника».

Борис МЕДВЕДЕВ,
театральный критик.
(АПН)